Карден Пьер

3.07.02

– 2002 – 3 июля – с. 6

Пьер Карден: «Я хотел бы умереть вместе с модой»

Великий кутюрье отмечает 80-летие

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия»,
Париж

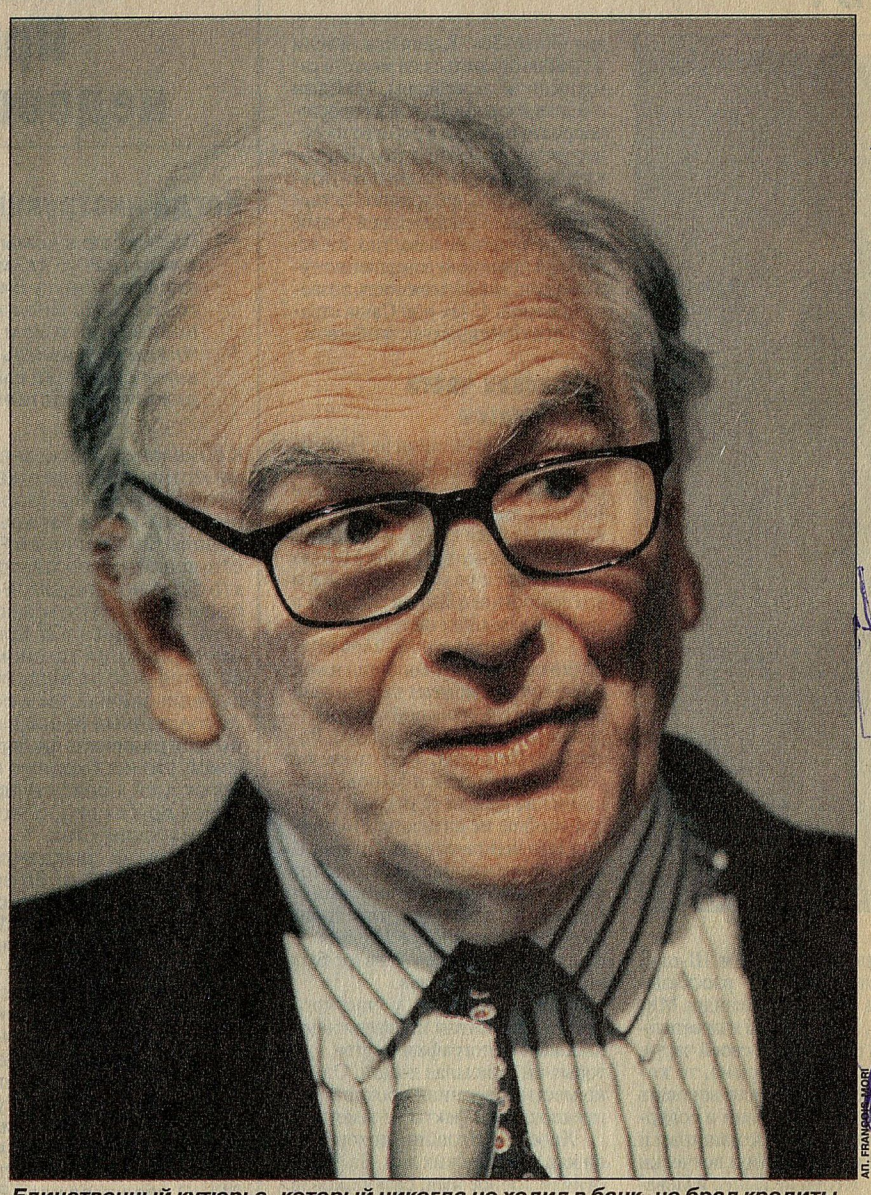
«Я продам свою империю, которая весит полтора миллиарда долларов, – заявил на днях, запустив пробный шар, Пьер Карден, которому 2 июля исполнилось 80 лет. – Не сразу. Через пару лет. Я уже получил множество предложений. Любопытно посмотреть, как ею будут управлять после моего ухода». Думаю, что великий портной лукавит. Не продаст. Останется стоять у ее руля на капитанском мостике до последнего дыхания, убежденный, что империя его не переживет и канет в небытие вместе с ним. Эгоист, как и все гении, он и сейчас озабочен тем, чтобы оставить свой след в истории моды. Пышные проводы Ив Сен-Лорана вызвали у него чувство ревности, и поэтому он предпочел прежде всего отпраздновать свой юбилей по ту сторону Атлантики, собрав самие громкие имена мирового джет-сета.

Собственно говоря, кроме работы, Пьера Кардена ничего не интересует и поныне, и он собирается – совсем еще нескоро – уйти в мир иной за своим рабочим местом. Этот мультимиллиардер – по сути своей купец и аскет, парвеню и скупой рыцарь – одержим страстью созидания и накопления. На него трудятся 200 тысяч душ в 180 странах. Как молитву он твердит отцовскую заповедь: «У каждого человека, Пьетро, должен быть свой чердак, где он хранит запасы на черный день». Его «чердаками» стала недвижимость. Он владеет 1200 предприятиями, сотнями магазинов и бутиков, двумя десятками ресторанов «Максим'с», театрами в количестве четырех, особняками, журналами и проч., и проч. Его последнее приобретение – некогда принадлежавший маркизу де Саду замок, с которым теперь не знает, что делать. «Нет, я отнюдь не стремлюсь стать самым богатым человеком на кладбище, – повторяет Карден. – Но мне известно, что значит не иметь куска хлеба. Возможно, именно это чувство продолжает подспудно оставаться моей движущей силой».

Человек, который стал этикеткой

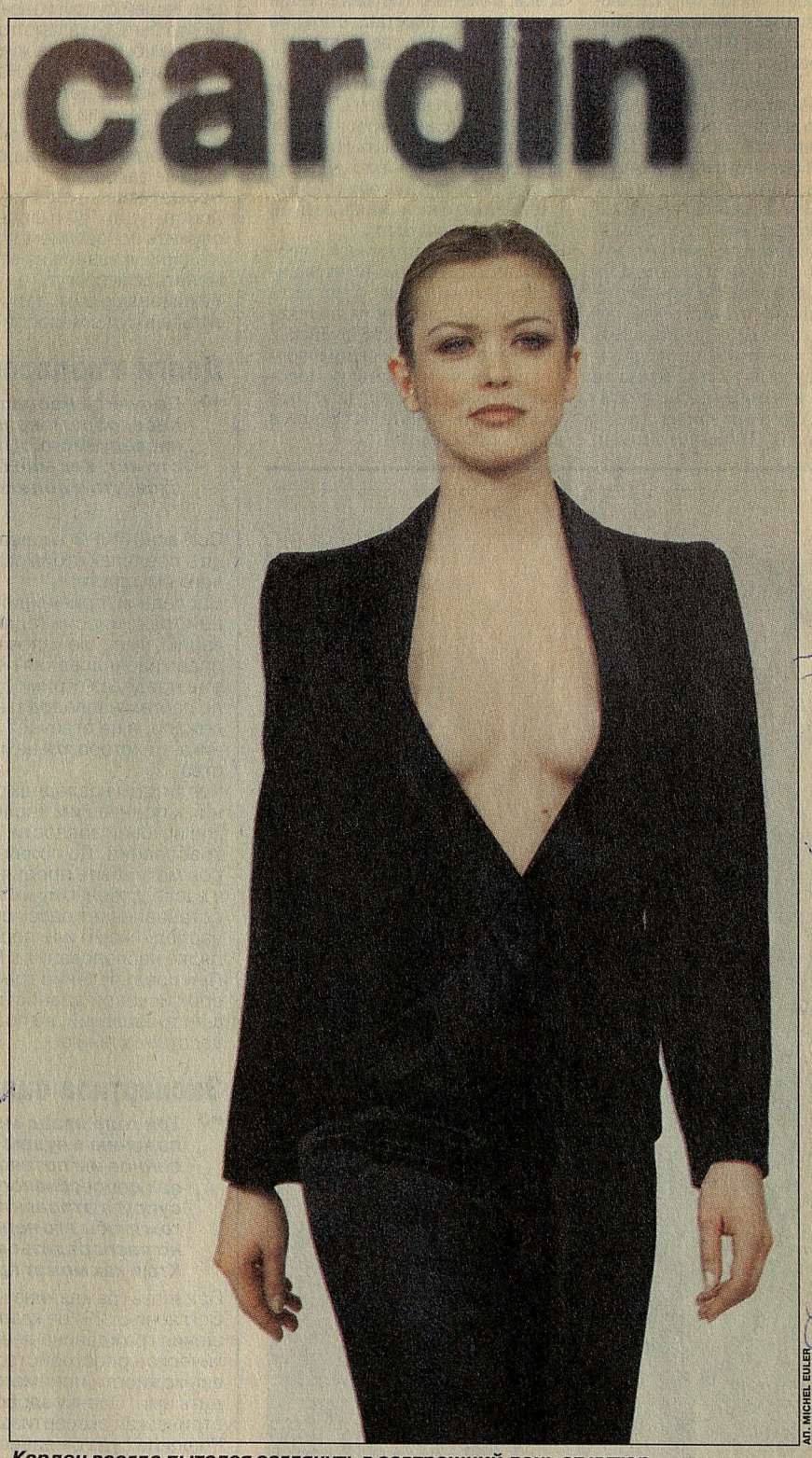
Кутюрье называет себя 100-процентным венецианцем. Его дёды зарабатывали себе на хлеб торговлей льдом, который они привозили с Доломитовых Альп, а родители безуспешно пытались разбогатеть на вине. Когда же появившемуся на свет неподалеку от Венеции Пьетро Кардини было всего два года, его отец и мать вместе с семью детишками в поисках счастливой доли перебрались во Францию, где обосновались в Лионе, исторической столице ткачей. Перед тем как отправиться в путь на велосипеде в Париж, Пьер зашел к гадалке. «Никогда в жизни мне не доводилось видеть человека, которого ждет такая замечательная судьба, – сказала ему казалось бы дежурную фразу ясновидящая, разглядывая ладонь. – Ты всего достигнешь в жизни...». Согласно легенде, гадалка же порекомендовала ему обратиться за помощью к некоему месье Вальтенеру, который проживал в доме № 82 по парижской улице Фобур Сент-Оноре. Судьботворное рандеву состоялось в ноябре 1945-го, а на следующий день 23-летний молодой человек уже работал в известном доме моделей «Пакен». Таланту часто сопутствует удача: Жан Кокто, который готовил съёмки фильма «Красавица и чудовище», заказал костюмы у «Пакена» для своего любовника Жана Маре и попросил Пьера, который был с тем одного роста, их примерить. Так Карден, по его собственным словам, стал первой в мире мужской моделью. Кокто даже предлагал ему роль в кино, но Пьер хотел одного – быть кутюрье. По рекомендации друзей его взял на работу Кристиан Диор, у которого он, однако, не прижился и пустился в собственное плавание. В 1950 году Карден создал собственный дом, а год спустя показал первую коллекцию. Самоучка, не имеющий даже диплома об окончании средней школы, Пьер с крестьянским упорством и маниакальной хваткой начал вести свое хозяйство. Он единственный кутюрье, который всю жизнь обходился без банков, не брал кредитов и никогда никому ничего не был должен. «Я сам себе президент и генеральный директор, банкир и бухгалтер», – бравирует месье Карден, напоминающий порой бальзаковского Гобсека. Он и поныне сам подписывает все счета и чеки, а в школьной тетрадке фиксирует доходы и расходы, работая по 12 часов в сутки.

Он одевал знаменитых мужчин и женщин – «биттлов», Софи Лорен, Жаклин Кеннеди, Марлен Дитрих... Еще в 60-е годы газеты включили его вместе с генералом де Голлем и Брижит Бардо в тройку самых известных в мире французов. Если Карден не самый креативный из кутюрье, то он, несомненно, одарен наибольшим коммерческим чутьем. «Человек, который стал этикеткой» – называлась посвященная ему биография, которая вышла в свет в начале 90-х годов. Неиссякаемый источник благосостояния – 900 лицензий с его фирменным брэндом на производство костюмов, рубашек, галстуков, духов, мебели, часов, сигарет, шоколада, макарон и даже огурчиков-корнишонов. Расходы на рекламу, которые съедают немалую часть бюджета во многих фирмах, он свел к нулю. Капиталист давно уже взял верх над творцом. Но именно Карден был одним из штурманов будущей бури, которая потрясла мир высокой моды. В 1966 году, когда его заклятый соперник Ив Сен-Лоран создал женский смокинг, Карден запустил на орбиту «космическую моду», сделав женщин похожими на инопланетянок. Сен-Лоран посвятил свой гений прекрасному полу, тогда как его конкурент пытался заглянуть в завтрашний день от кутюр. Он всегда мечтал раз и навсегда поставить на место «выскочку» Сен-Лорана, которого продажные, по его мнению, борзописцы причислили к сонму выдающихся мэтров. «Он, дескать, первый одел женщин в смокинги, – иронизируя, сводит счеты Карден. – Да Марлен Дитрих носила их, когда Сен-Лорана еще не существовало в природе! Он вообще не придумал ничего нового, не считая того, что перерисовывал Пикассо и Мондриана». Карден же не черпает вдохновение ни в живописи, ни в музыке, ни в литературе, которую никогда не читает, ни в экзотических поездках, ни в наркотиках. Тем не менее оно посещает его каждый день за столом.



AFP. FRANCOIS GUILLOT

Единственный кутюрье, который никогда не ходил в банк, не брал кредиты и никому ничего не был должен.



AFP. MICHEL EULER

Карден всегда пытался заглянуть в завтрашний день от кутюр.

Хочу, имею, люблю

Карден считает себя прежде всего художником, для которого мода – это часть индустрии. Он первым ее демократизировал и отказался от безумных затрат, связанных с дефиле, шоу, презентациями и прочей мишурой. Гений маркетинга, он почти никогда не ошибался. Он всегда нарочито стремился быть не похожим на других, шел против «моды»: «Меня вначале критиковали, а потом принялись подражать. Я всегда выигрывал самые немыслимые пари». И в то время как Сен-Лорану под напором капиталистических акул, для которых он стал нерентабельным, пришлось в 65 лет ретироваться, а все другие французские дома скупили на корню американские, британские и итальянские корпорации, Карден остается в своей империи полновластным хозяином. Он весь соткан из противоречий: жесткий менеджер, стеснительный и неловкий человек, обделенный какой бы то ни было харизмой, которого его сотрудники за глаза называют «дедом». Он упивается фимиамом лести и поклонения, а свои фразы обычно начинает словом «я», за которым чаще всего следуют глаголы «имею», «хочу» и «люблю». «Богатство кружит голову лишь кретинам, – подчеркивает Карден, – я же использую деньги лишь для того, чтобы творить. Мне самому ничего не надо, и моя комната напоминает монашескую келью. Я люблю успех, от меня никогда не отворачивалась фортуна, но я равнодушен к богатству.. Ем я очень мало – вареные овощи, приготовленную на пару рыбу и иногда выпиваю рюмку белого бордо для поднятия тонуса». Мегаломан, он гордится тем, что живет в условиях полной автаркии: «Я могу пить собственное вино, ходить в свои театры, носить свою одежду и пользоваться собственными парфюмами. И все это принадлежит мне на 100 процентов! Только мои сигареты, которые производятся миллионами пачек в Китае, не являются моей собственностью. Но я не курю! Когда мне чего-то в жизни не хватает, я это изобретаю». Долгие годы он ездит на стареньком «Ягуаре», за рулем которого сидит его постоянный шофер Кристиан. Он коллекционирует особняки – помимо вышеупомянутого замка маркиза де Сада, ему принадлежат дворец в Венеции, куда он наведывается максимум дважды в год, и особняк в Испании, в котором он никогда не был. В своем поместье на Лазурном берегу он развел огород, на котором ему выращивают самую дорогую в мире морковку, оборудовал гигантский пруд, где лениво плавают 4000 карпов, и вольеру для 400 райских птичек. На его псарне скучают от вечного безделья 13 колли.

Всеми русскими делами в его доме пару десятилетий занимается Жефф Книпер, утверждающий, что он потомок знаменитой нашей актрисы Ольги Книппер-Чеховой. Он пробивал все российские проекты, включая открытие «Максим'са». Не будь среди наших партнеров динамичных русских предпринимателей, отмечает Жефф Книпер, мы едва бы добились серьезных успехов. Его любимая присказка: «и русские имеют право быть богатыми». Однако в последнее время Карден, как мне кажется, несколько утратил былой интерес к России, где каждое начинание давалось ему немалой кровью и большими деньгами. И хотя он лет десять назад устроил первый в истории парад высокой моды на Красной площади, ожидаемого тотального прорыва на русском фронте не получилось – видимо, нашим соотечественникам по вкусу пришелся более эффектный стиль Армани и Версаче. Однако именно Карден одним из первых открыл на Западе двери для нашего искусства: «Я увидел Майю Плисецкую в «Кармен», влюбился с первого взгляда, и мы стали дружить. И с тех пор я шил костюмы ко всем ее постановкам. Первые были для «Анны Карениной», потом для «Вешних вод», «Чайки», «Дамы с собачкой»... Майя не просто великая балерина XX века – она воплощение танца. Она символ русской культуры». Карден привозил в Париж, а потом в Нью-Йорк ленкомовскую «Юнону и Авось», приглашал Славу Зайцева, Валентина Юдашкина, Илью Глазунова, Андрея Вознесенского, который читал на сцене его театра «Эспас Пьер Карден» стихи и выставлял свои «инсталляции». В его театре шел и «Вишневый сад» с Мариной Влади в роли Раневской. В 2000 году в парижском предместье Сент-Уэн он открыл культурный центр, некое подобие французской виллы Медичи в Риме, где идут выставки, живут и работают молодые таланты.

Спал с женщинами, любил мужчин

У каждого эгоцентрика свои слабости. Кардена всегда отличало непомерное тщеславие, и он охотно сравнивал себя с другим знаменитым венецианцем – Марко Поло. Его завистники утверждают, что он опередил всех французов по числу орденов, медалей, премий, дипломов и прочих знаков отличия. Он трижды получал высшую награду парижских кутюрье – «Золотой наперсток», удостоился премии Антуана Сент-Экзюпери за единственную, изданную под его фамилией детскую книгу «Сказка шелковичного червя». Он единственный член Академии изящных искусств, представляющий среди бессмертных высокую моду. Он еще и почетный посол ЮНЕСКО, который одно время помогал Чернобыльской программе. Ничто, кажется, ему не льстит так, как эфемерная близость сильных мира сего: его принимали Фидель Кастро, Нельсон Мандела, Михаил Горбачев, Цзянь Цзэминь, Беназир Бхутто, в гостях у которой он ночевал.

Иногда Карден пускается в откровения, приподнимая вуаль над своими любовными авантюрами, которые несколько преувеличивает: «Я всегда пользовался большим успехом у мужчин, чем у женщин, хотя спал и с теми, и с другими. Ведь человек я свободный. Меня любили, обольщали и домогались необыкновенные люди. В этом отношении я имел все, что делает человека счастливым. Четыре года я прожил с Жанной Моро. У меня были и другие женщины, и однажды я чуть не умер от любви, но, к счастью, работа меня спасла... И в любви я не сказал последнего слова. 80 лет – это возраст, но моя сестра дожила почти до 100 лет». «Я знала о его репутации гомосексуалиста, – делилась своими воспоминаниями Жанна Моро. – Но мне все равно. Он был способен любить и женщину». Да, модельер жалеет, что не оставил после себя потомства, но почему-то думает, что от него на свет скорее всего появились бы монстры. Завещание уже написано: его многочисленные племянники с нетерпением ждут своей доли. Сегодня в фаворе 28-летний Родриго, внук его брата, красавец, музыкант, математик, художник – словом, настоящий венецианец. Продолжает он опекать и «усыновленных» при рекламном содействии «Пари-матч» пятерых близнецов – трех молодых людей и двух девушек, которым сегодня по 23 года. Чтобы увековечить свою память, он оставит капиталы на строительство фонда и больницы, которые назовут его именем. «Если настанет день, когда мне нечего будет делать, то я задамся вопросом: а зачем, собственно говоря, я живу? Поэтому я и хотел бы умереть вместе с модой...».

Правовое обслуживание «Новых Известий» осуществляет «Независимая юридическая группа